

ОТКРЫТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В данной статье рассматривается сложение и развитие сообществ майкопской культуры энеолита Северного Кавказа, ее влияние на развитие культуры соседних сообществ и роль Н. К. Рериха в открытии культуры майкопского населения.

Основными литературными источниками для выявления исторических связей между сообществами майкопской культуры и сообществами соседних территорий служат труды по археологии и истории Северного Кавказа и соседних территорий, опубликованные в конце XX в.: из серии «Археология СССР»: «Неолит» и «Энеолит», 80-х гг. издания; из 3-томника «Археология Украинской ССР», Т.1: «Первобытная археология», 1984 г. издания, и 3-томника «Давня історія України» Т.1: «Первісне суспільство», издания 1999 г. В указанных литературных источниках не показаны четко взаимосвязи названных сообществ энеолита, что затрудняет понимание роли сообществ майкопской культуры в формировании культуры соседних сообществ.

Соседними, легко доступными в древности территориями по отношению к Северному Кавказу, являлись территории к северу от него: Предкавказье, Черноморское побережье Кавказа и степная зона Восточной Европы от Южного Урала до низовьев Дуная. Именно в этих территориальных пределах проанализированы и обобщены имеющиеся литературные данные и показаны исторические связи населения территорий в указанных границах, что позволило выявить историческую преемственность в развитии каждого из культурных сообществ, их взаимовлияния и дальнейшее развитие в эпоху энеолита и в последующее время.

Энеолитическая майкопская культура Северного Кавказа относится к III тыс. до н. э. Она получила название от Майкопского кургана [1, с. 743], открытого и обследованного проф. Н. И. Веселовским в 1897 г. в окрестностях г. Майкоп [2, с. 269] (современная территория г. Майкоп на Северо-Западном Кавказе, главного города Адыгейской автономной области в составе РСФСР). Курганы ко времени раскопок имел высоту и содержал богатый погребной инвентарь, по художественной ценности близкий искусству Месопотамии и Малой Азии того же времени [2, с. 629; 3, с. 596]. Майкопская культурно-историческая общность относится к сообществам, предшествующим куро-аракской ранней бронзы Северного Кавказа, схожа с ней в Мильско-Карабахской степи и связана своим происхождением с земледельческими сообществами Кавказского Причерноморья и Ирана [3, с. 596]. Географическое положение Северного Кавказа обеспечивало его населению многосторонние контакты с населением соседних территорий: южная граница Северного Кавказа соседствует с Передней Азией (с областью «плодородного полумесяца», прежде всего с Заграсом – древнейшим очагом мирового земледелия): северная – со степями Северного Причерно-

морья, Подонья и Поволжья. Такие контакты широко отмечены неолита. Северный Кавказ с древности считается мостом, связывающим Переднюю Азию со степями Северного Причерноморья и Поволжья, откуда на указанные территории и распространилась культура земледелия [4, с. 94]. Одновременно с проникновением культуры земледелия с Северного Кавказа на соседние территории проникали и достижения во всех областях культуры, в том числе и в строительстве. Памятники строительства лучше прочих показывают схожесть в типах построек, строительных приемах, стройматериалах. Собственно от культуры майкопских сообществ сохранились остатки поселений, укреплений и курганы [1, с. 743]. Открытый к настоящему времени археологический материал не позволяет детально охарактеризовать памятники строительства майкопской культуры, но очень хорошо обследованы некоторые памятники Закавказья и Северного Кавказа VI – IV тыс. до н. э., по которым можно судить и о строительстве майкопцев, наследников домайкопских сообществ.

Строительные памятники Закавказья и Северного Кавказа времени, предшествующего развитию майкопской культуры VI – IV тыс. до н. э., рассматриваются как две группы раннеземледельческих памятников энеолита: первая – на Средней Куре (Западный Азербайджан и соседние районы Грузии) – центральнозакавказская, или шулавери-шомутепинская; вторая – Южное Закавказье (от Нахичевани на западе до Мугани на востоке) – южнозакавказская, или нахичевано-мильскомучанская. Их существование хронологически: сначала центральнозакавказская, за ней – южнозакавказская. Первая – более ранний этап, вторая – более поздний [4, с. 103]. Культурное сообщество, предшествующее куро-аракскому, представляется как единое древнейшее раннеземледельческое Закавказья IV–III тыс. до н. э. [4, с. 101], формирование которого – VI тыс., расцвет – V тыс., угасание – IV тыс. до н. э. [4, с. 102]. Выявленные отличия на отдельных территориях локально-хронологические [4, с. 101]. Характер поселений для каждого этапа – одинаков, строительство – однотипно, каменный материал – единообразен [4, с. 103]. Это позволяет сравнить строительство майкопцев со строительством предшествующего им единого раннеземледельческого сообщества.

Как для первого, так и для второго этапов размещение поселений – характерно группами на небольших естественных или искусственных холмах – «тель» (арабское название, соответствующее переднеазиатскому «тепе» – холм или грузинскому – «гора»). Открыто также ряд поселений в высокой (горной) зоне на естественных речных террасах и в местах слияния рек. Как в речных долинах, так и в высокой зоне поселения состояли из нескольких холмов – «гора» или «тепе» – у берегов рек. Их площади до 1 га или несколько больше

[4, с. 100, 101]. Примерами таких поселений могут служить Иримисгора на р. Шулаверисчере и Арухно I в правобережье р. Храми в бассейне правобережья Куры [4, с. 100]. Площади, занимаемые несколькими группами поселений, могли достигать и 500 га: Шулаверисгора. Дангреулигора и др. Расстояния между отдельными поселениями от 0,5 до 1,7 км. Участки между ними использовались для земледелия. Там, где долины рек сужались, поселений меньше. На каждом из поселений – по несколько строительных горизонтов, в которых нет изменений ни в планах построек, ни в их конструкциях, ни в использовании стройматериалов. Это объясняет преемственность в существовании самих поселений [4, с. 103]. Как примеры строительной практики энеолита Кавказа можно привести поселения Шулаверисгора, Иримисгора и Арухно I.

На хорошо обследованном поселении Шулаверисгора постройки из кирпича-сырца на глиняном растворе или глинобитные. Выделены три группы построек кругло-овального плана: крупные $d=1,25-2,00$ м, малые $d=0,50-0,75$ м. Крупные – жилые, остальные – хозяйственные. Жилища – однокамерные, куполообразные, высотой не ниже 2,5 м, площадью около 7–17 м². Вход (скорее, лаз) – выше уровня двора или нижнего уровня пола дома, неправильно четырехугольной формы площадью 0,5–0,6 или 0,6–0,7 м². В стенах узкие световые проемы. Пол – слегка утрамбованная глина. В каждом жилище вкопанный или вмозанный в глиняный пол – очаг яйцевидной формы. Внутри жилищ, кроме очагов, разводили костры. В Шулаверисгора необычайно плотная хаотичная застройка [4, с. 104]. Строительство на всех поселениях однотипно, но на многих нет такой скученности, как на Шулаверисгора. Например, на поселении Иримисгора застройка не столь скучена. Хотя жилища такого же типа, как и на Шулаверисгора, но они сравнительно правильно геометричны и на самом поселении, и внутри помещений. Сама же планировка поселения – круговая с центральной свободной от застройки площадью круглого плана $d=12$ м, вокруг нее тесно примыкающие друг к другу жилища – бытовые ячейки. Принцип круговой планировки поселений – основной на Кавказе VI – III тыс. до н. э. Он сложился под влиянием древнейших поселений Малой Азии, в частности, хассунских сообществ (Телль-Хассуна, Ярымтепе I и др.) и даже от дохассунского времени (Умм-Дабагия и Телль-Сото) Месопотамии [4, с. 105]. Все поселения природно защищены, на некоторых по периметру поселений – рвы, например, в Арухно I. Назначение рвов, по-видимому, двойное: оборона и ирригация. Арухно I считается более поздним поселением, чем Шулаверисгора, т. к. его постройки разнообразнее и планировка поселения более четкая [4, с. 107]. Принцип круговой планировки поселений характерен и для майкопцев, и для поздних трипольцев в междуречье среднего Днестра и среднего Днестра в Восточноевропейской степи (Петрены, Варваровка VIII на среднем Днестре, Майданецкое – в среднем течении Южного Буга [5, с. 204, 205, 224, 225]. Считается, что тип круговой планировки поселений в Восточноевропейской степи – от энеолитического на-

селения Малой Азии, продвинувшегося в степь Восточной Европы через Нижнее Подунавье, но нельзя исключить и влияние населения Кавказа. Считается также, что глинобитные постройки тоже только от этого пришло населения, впервые с его появлением распространившиеся в Восточноевропейской степи, но и в этом случае нельзя исключать и влияние населения Кавказа [5, с. 194; 4, с. 104].

Первое кочевое население в степи Восточной Европы появилось в середине IV тыс. до н. э., оно в современной истории объединено общим названием «среднестоговско-хвалынская» общность [6, с. 214, 276]. Степное население способствовало культурным связям степняков Предкавказья и Северного Кавказа с Карпато-Бштканским регионом, что привело к появлению схожих черт в культурах сообществ на этих территориях [6, с. 281]. От первой половины III тыс. до н. э. в низовьях Днестра и в устье Дона остались памятники так называемых нижнемихайловских сообществ (поселения и курганы [6, с. 287], название происходит от поселка Михайловка на нижнем Днестре) [4, с. 105, 106; 5, с. 330]. Поселение Миахайловка, как и майкопские, и предшествующие майкопским «телли», или «гора», разместились на трех холмах (из них наиболее заселен центральный – большой – и юго-западный). Жилища – полуземлянки овального плана с очагами – это от сообществ Северного Кавказа [5, с. 325]. У нижнемихайловцев была развита традиция строительства курганов, кромехов, крепид, каменных ящиков и т. д. – от неолита Северного Кавказа [4, с. 131]. Основа культуры нижнемихайловцев – среднестоговские и позднетрипольские традиции степи Восточной Европы и майкопские и дольменные Северного Кавказа [6, с. 287]. Близость культур нижнемихайловской и майкопской основана на общей генетической подоснове [6, с. 288].

Кроме нижнемихайловцев, в III тыс. до XVII в. до н. э. в Степи Северного Причерноморья обитали кеми-обинцы (от названия кургана в Крыму – Кеми-Оба, первого исследованного в 1957 г. памятника этой общности). Их территория: от Тамани на востоке (территория обитания майкопцев) до низовий Днестра и Южного Буга на западе, от Крымской степи на юге до широты Днепрпетровска на севере [5, с. 331, 332]. Происхождение кеми-обинцев связано с Кавказом [5, с. 328]. Но их поселения отличаются от майкопских: открытого типа, приуроченные к речным террасам [5, с. 332, 333]. Основные памятники их архитектуры – курганы: основные (времени собственно кеми-обинцев) и впускные (принадлежащие предыдущим степным сообществам). В северо-восточной части территории кеми-обинцев, в Приазовье (пограничье с территориями майкопцев и дольменцев Северного Кавказа), наблюдается взаимодействие кеми-обинцев с майкопцами и дольменцами [5, с. 332]. Один из хорошо изученных курганов кеми-обинцев – Межлиманский на Тамани. III тыс. до н. э., материал которого аналогичен материалу курганов Северного Кавказа, является показательным и для майкопцев [5, с. 332, 336].

В конце IV – третьей четверти III тыс. до н. э. в Степи Восточной Европы сформировалась новая куль-

турная общность – ямники (название по способу захоронения под курганами). Ареал этой общности: от Оренбургской степи, района Магнитогорска, бассейна Эмбы на востоке – до междуречья Южного Буга и Днестра на западе; от Терека, побережья Азовского моря и Степного Крыма на юге – до широты Самарской Луки на Волге; верховьев Дона, широты Киева на Днестре на севере. Схожие с ними памятники встречаются в северных районах Болгарии, в Венгрии, Румынии. Указанное время – этап становления и раннего развития сообщества, памятники которого сопоставимы по времени с памятниками Южной Болгарии и Троей II. Поздний этап существования ямной общности – XXV – XIX вв. до н. э. Ямная культура рассматривается как переходная от эпохи меди к эпохе бронзы. Огромные территории, населенные ямниками, дают основание считать их общность не единой в этническом плане [5, с. 337]. Процесс формирования этой общности следует, по мнению историков, рассматривать как результат длительного воздействия различных культурных сообществ и племенных групп. Дальнейшее развитие региональных сообществ ямной культуры различно. В частности, на Северном Донце памятники ямников сменяются памятниками катакомбников (название по способу захоронения) эпохи ранней бронзы [5, с. 352]. Контакты ямников с земледельцами Северного Кавказа просматриваются и в домайкопский период, но особенно они усилились в майкопское время [5, с. 328]. Ямники переняли у населения Северного Кавказа опыт обработки руды и изготовления медных, а потом и бронзовых изделий. Материал этих изделий очень схож с металлами позднего этапа существования майкопцев [5, с. 351]. Контакты ямников с майкопцами носили двухсторонний характер: типичные сосуды ямников найдены в погребениях майкопцев, а весь похоронный обряд воспринят ямниками у майкопцев: положение погребенных, оформление могил, характер курганной насыпи. Зона контактов ямников и майкопцев: от степей Калмыкии – до Кубани и Терека. Благодаря подвижному характеру жизни ямников имели место их контакты с поздними трипольцами усатовской группы под Одессой, которые восприняли от ямников обряд захоронения, точнее от майкопцев через ямников [5, с. 328].

Весь характер культурного развития сообществ позднего энеолита Северного Кавказа и Степной зоны Восточной Европы может быть представлен в схеме, в которой показаны происхождение, преемственность и взаимовлияние отдельных культурных сообществ в указанную эпоху. Одно из ключевых сообществ позднего энеолита в данном ареале – майкопское.

Открытый одним из ведущих археологов России XIX в. проф. Н. И. Веселовским курган около г. Майкопа на Северном Кавказе, дал богатый археологический материал, отличный от ранее известных в этом регионе. Необходима была его фиксация и точное изображение найденных предметов с возможной графической реконструкцией утерянных частей. Для этой цели необходимо было пригласить не только художника, но и историка. Поэтому проф. Н. И. Веселовский обратился к сту-

денту Санкт-Петербургской Академии художеств и одновременно студенту юридического факультета Санкт-Петербургского университета Н. К. Рериху, который блестяще выполнил поставленную задачу. Профессор-археолог Б. В. Фармаковский назвал работу «бесспорно ценным документом» [2, с. 629].

Так совместной работой проф. Н. И. Веселовского и Н. К. Рериха было положено начало изучения майкопской культуры Северного Кавказа, при дальнейшем изучении которой выяснилось ее ключевое участие в формировании культурных сообществ позднего энеолита Северного Кавказа и степной зоны от Оренбурга до междуречья Днестра и Днестра.

1. Советский энциклопедический словарь [текст] [гл. ред. А. М. Прохоров, изд. 2-ое]. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – 1600 с.
2. Петербургский Рериховский сборник II–III (Николай Рерих. Археология. Книга первая: материалы императорской археологической комиссии 1892–1918) [текст]. – Самара: Изд. Дом Агни, 1999. – 798 с.
3. Искусство стран и народов мира. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. [Краткая художественная энциклопедия]. В 5 т. [текст]. Т. 3. : Молдавская советская социалистическая республика – Российская советская федеративная социалистическая республика. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – 768 с.
4. Археология СССР. Энеолит СССР [текст] [АН СССР, ист-т археол.]. – М. : Наука, 1982. – 359 с.
5. Археология Украинской ССР. В 3 т. Т. 1. : Первобытная археология [текст] [АН СССР, ист-т археол.]. – К. : Наукова думка, – 1985. – 565 с.
6. Давня історія України. В 3 т. Т. 1. Первісне суспільство [текст]: – К. : Наукова думка, 1997. – 558 с.

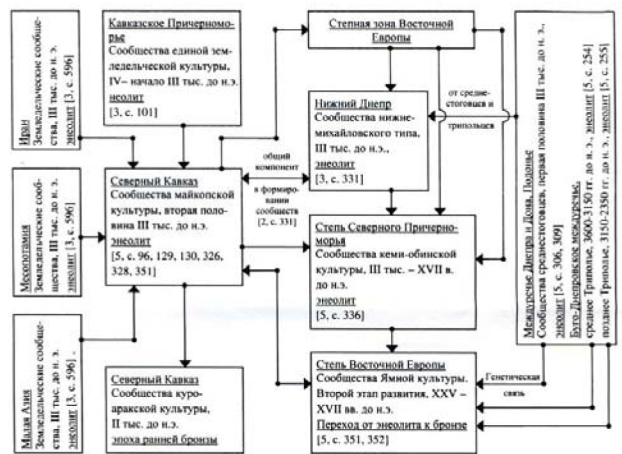

Схема становления и влияния Майкопской культуры на дальнейшее развитие культурных сообществ соседних территорий